

УДК 930

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ОБЫВАТЕЛЬ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ 1917 ГОДА

© 2017 Е.Ю. Семенова

Поволжский филиал ФГБУН Института Российской истории РАН, Самара
Самарский государственный технический университет
Самарский юридический институт ФСИН России

Статья поступила в редакцию 23.10.2017

В статье исследуется восприятие революционных событий 1917 г. жителями Поволжья. Анализируется отношение городских обывателей к социально-политическим изменениям, произошедшим в государстве. Изучаемое предметное поле составляют понимание свободы, равенства, формы выражения собственной позиции по отношению к действительности.

Ключевые слова: революция, 1917 год, российская провинция, общественные настроения.

Революционный процесс 1917 г. в последнее время вновь вызывает у исторической общественности интерес, не только в связи со 100-летием, отмечаемым в текущем году, но и на базе концептуальной полемики о причинах, хронологии, сущности, количестве революций¹, а также необходимости более глубокого анализа тех сторон жизни революционной эпохи, которые ранее не привлекали к себе внимание исследователей или не получили основательной разработки.

Среди указанных лакун следует отметить антропологический ракурс, многогранные перспективы которого в связи с интересующей проблематикой подчеркнула О.С. Поршнева². Также к важной тенденции отнесем локально-исторические исследования в отсутствие давления марксистской методологии революционного движения, позволяющие выявить специфику революции в локусе различных территорий России³. Значимым для нашей темы является обращение исследователей к письмам, дневникам и мемуарам очевидцев событий, обычных людей, не являвшихся активистами свершения революции или активными противоборцами с происходившими изменениями, изучаемым с позиции историзма и объективности⁴. Важное направление исследований – общественные настроения и проявляемые на их фоне действия индивидов, групп, масс, позволяющие выявить как общность, так и социальную поляризацию в интересах и стремлениях россиян⁵.

Актуальность выбранной проблематики не утратила своей значимости и в связи с вниманием к опыту социальных движений и массовых настроений в современной геополитической си-

туации. Подчеркнем, что обращение к материалу указанной тематики на основе принципов историзма и объективности, являющихся традиционными для исторических исследований, приобретает особую значимость на фоне политизации событий прошлого и «погони» за чередой «новомодных» теорий.

Одним из ключевых аспектов в исследовании представлений обывателя в условиях революционного процесса выступает отношение человека к данному процессу, его «понимание».

Мартовские дни были встречены многими обывателями с энтузиазмом. Осознание того, что же произошло в России, при этом имело отличие. Сложно однозначно определить, было ли это связано с социальной, социокультурной или иной принадлежностью человека, однако важно, что сам факт осознания случившегося как чего-то значительного, позитивного, меняющего судьбу общества отмечается у представителей различных социальных сред. Так, интеллигент В. Белоблоцкий, находившийся в марте 1917 г. в Оренбурге, с воодушевлением сообщал в письме знакомому юристу Н.Н. Мясоедову: «Ныне снова звонят колокола, но поют они нам другие песни, песни победы. Песни свободы. Христос Воскрес! Звучит однозвучно с воскресла Россия... (здесь и далее курсив мой. – Е.С.).

Что буду делать в ближайшее время? Укреплять пером свободу»⁶.

Выражение радости, приятия смены власти сопровождалось митингами, шествиями, празднеством. Так, в Астрахани 10 марта 1917 г. отметили всенародный праздник русской революции. В астраханском Кремле исполнялся гимн, был митинг, на улицах виднелись красные флаги. Вечером состоялось праздничное гулянье на Московской улице, городской сад также был переполнен⁷.

Об офицерской среде совершенно сторонний ей человек, М.И. Васильев, член РСДРП с 1898 г.,

Семенова Екатерина Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Поволжского филиала ИРИ РАН, профессор Самарского государственного технического университета, профессор Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России. E-mail: dashka129k@yandex.ru

принимавший активное участие в организации Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов, описывая в воспоминаниях события 3 марта на улицах Саратова – демонстрации военных, рабочих, молодежи с красными флагами – указал, что многие из *офицеров* «нацепили себе на грудь огромные красные банты». Мемуарист полагал, что «это была только подозрительная маскировка под революционность»⁸, что объяснимо, учитывая его политическую ориентацию. Однако это упоминание фиксирует факт признания свершившейся перемены во власти и приобщения себя к данному событию частью офицерства.

По воспоминаниям В.П. Антонова, человека удивительной биографии (члена РСДРП, потомственного дворянина, родители которого не имели отношения к развитию в нем радикальных взглядов), его отец, служащий, судебный пристав Саратовского окружного суда, дворянин, проживавший в Саратове, отнесся к информации о смене власти как к событию неожиданному, но значимому, «головокружительному», о чем сообщал позже сыну следующим образом: «Случилось это так неожиданно. Еще накануне я с грустью думал о том, что все твои предсказания насчет революции – плод неустоявшейся молодой крови... А на следующий день встал, попил чайку, пошел на работу и – на тебе, словно гром на ясном небе: в Петрограде восстание, царь отказался от власти, самодержавие пало. Сказка какая-то. Все с ума сошли и я вместе с ними. Бросил службу и опрометью побежал домой, забыл даже на трамвай сесть»⁹.

Еще одно воспоминание современника рисует целую «палитру» понимания произошедших событий: «Мартовский переворот 1917 года меня захватил в Аткарске... Утром рано бегу на станцию; на станции солдаты, едущие из Москвы, арестовали жандармов; вечером решили арестовать местную полицию. *Вот это было не понятно, – кто-то арестовывает полицию, бабы хотели разорвать исправника...* На другой день демонстрация – идут солдаты, «народ» и несут портрет Николая Николаевича Романова. Это меня удивило... 10 марта 1917 года (в Уральске) несколько человек из железнодорожных рабочих решили в память революции отслужить молебен по павшим борцам. Долго они ходили в числе 5-10 человек по городу с красным флагом и искали попа для молебна»¹⁰. Здесь отражена и оценка частью общества событий как «переворота», и непонимание того, как может, пусть и военизированная, группа арестовывать представителей правоохранительных структур, то есть, по сути, начало анархии, и совмещение представлений о революции и вере, понимание событий как угодных Богу.

Приведенные оценки событий разнятся, однако в них содержится и общая «нить» – ощу-

щение нового, переустройства, что повлечет за собой существенные изменения в жизни людей. К данным переменам одни отнеслись сразу восторженно, были готовы их поддержать, другие – пребывали в ожидании чего-то, возможно, позитивного, а возможно, и опасного, для иных рушился установленный понятный порядок.

Среди провозглашенных и реализованных новой властью в марте-апреле 1917 г. преобразований значились разноплановые права и свободы. Их внедрение сопровождалось выстраиванием у обывателей специфических представлений о категории «свобода».

Одно из них – убеждение в том, что все имеющиеся отношение к «старому режиму», образно выражаясь, «герои» эпохи самодержавия должны быть известны населению во всех подробностях, что вполне реально могло повлечь для конкретного человека самосуд толпы или отдельных лиц, ранее пострадавших от «режима». В частности, в периодике обычным явлением стала публикация полных сведений о сотрудниках структур жандармерии, продолжавшаяся на протяжении 1917 г.¹¹

Проявления самосуда не заставили себя долго ждать. Известной ситуацией стали многочисленные случаи нападения солдат и матросов на офицеров и убийства последних. Саратовский юрист И.Я. Славин по поводу оценки такого понимания свободы оставил в своем дневнике 23 марта 1917 г. следующую запись: «Вечером в клубе узнал со слов Н.Н. Мясоедова, вернувшегося из Петрограда о том, что в Кронштадте матросы перебили многих офицеров (вернулся из клуба «с остро гнетущим безобразным чувством»).

«Вместо свободы – дикий террор»¹².

Схожая оценка понимания частью общества свободы как возможности «покутиться» со старыми «обидчиками» – представителями иной социальной группы, ранее занимавшей привилегированное положение, причем необязательно в именном, персонифицированном контексте, содержится и в многочисленных описаниях жизни дворян в условиях сельской местности. Например, в ходатайстве от 15 мая 1917 г. в МВД предводитель симбирского губернского дворянства сообщал «о невыносимо тяжелых условиях, в которые поставлено симбирское дворянство». Он писал: «Отсутствие власти и возможности фактического преследования преступных лиц, – дает в результате вместо желанной и всем приятной свободы, – насилие не только над личностью и имуществом, но нередко кончается избиением и даже убийством некоторых дворян. Сельское население считая себя в праве арестовывать и высылать чем либо неприятных ему дворян служащих и не служащих, а так же лишает их возможности вести хозяйство и распоряжаться своим имуществом»¹³.

Понимание свободы в условиях нестабильности новой власти в сознании части общества совместились с пониманием вседозволенности. При этом в массах начала работать не формула Ф.М. Достоевского «тварь я дрожащая или право имею», а меркантильный потребительский контекст отстаивания своего, своих интересов безотносительно интересов других индивидов. Отстаивание «своих» прав касалось различных ситуаций.

Одна из них, типичная для уставшего от тяжелой войны населения, – нежелание идти на фронт, когда другие находятся в тылу. События в городе Спасск Казанской губернии 14–15 июня – одна из таких историй. Они разворачивались следующим образом. На улице толпа призываемых белобилетников бросилась на председателя воинского присутствия, уездного предводителя Молоствова, «избила его с нанесением ран», а на следующий день «толпа ворвалась в больницу», куда был помещен Молоствов, «схватила его в безсознательном состоянии и перетащила в тюрьму»¹⁴.

Другая типичная для 1917 г. история – захваты крестьянами не принадлежащих им земель. В частности, сызранский городской голова отмечал в июне, что крестьяне Самарской губернии активно захватывают городские луга и осуществляют на них покосы¹⁵.

Участились проявлявшиеся и ранее в условиях Первой мировой войны случаи «сомообеспечения» населения путем неприкрытого грабежа торговцев, а также самочинной проверки и захвата продуктов, предназначенных для постепенного распределения среди населения. Так, в Костромской губернии в Чухломе 13 июня на рынке приехавшая на базар из уезда толпа «под угрозой разгрома потребовала производства обысков у торговцев». С разрешения уездного комиссара для этого были выбраны представители от собравшегося общества. Когда же в одной из лавок не оказалось продуктов, толпа учинила над ее владельцем самосуд, «нанеся ему побои». Далее толпа уже «самостоятельно, уже без всякого разрешения» стала обыскивать иные помещения, производить обыски у частных лиц и в общественных учреждениях, были задержаны несколько ящиков транзитных товаров и осуществлена их распродажа и раздача даром солдатам. В Варнавине 25 июня «толпа горожан» собравшись около местного клуба самовольно обследовала запасы муки и сахара в складах Товарищества Кооперативов и Земства. В Кологривском уезде, по данным уездного комиссара, у местных торговцев самоуправно новоявленные граждане отбирали товар «на десятки тысяч руб.»¹⁶.

Вседозволенность также проявлялась в нетипичном еще недавно поведении в общественных местах, неприятном для сторонне-

го прохожего, о чем под рубрикой «Городская жизнь» в июне 1917 г. в нижегородской газете сообщалось: «Грустный вид представляет из себя теперь, когда-то лучший из городских садов... «детский» (или марковский) садик на Б.-Покровке. Без сомнения, многие родители теперь воспрещают водить туда своих детей, где часто происходят отвратительные сцены: собираются проститутки, какие-то темные личности, хотя и в форме солдат, ведут циничные разговоры, а проститутки просто устраивают между собой иногда драку»¹⁷.

Примечательно, что уже сами современники пытались ответить на вопрос о причинах столь странных проявлений восприятия свободы, и объяснения выдвигались весьма разные.

Так, в саратовской газете по данному поводу приводилась следующая нехитрая констатация: «Обыватель перепуган... Его ум не может переварить такого резкого перехода от рабства к свободе»¹⁸.

На совещании с представителями начальников уездной и городской милиции, нижегородского гарнизона нижегородской городской управы, советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов по выработке мер для борьбы с преступностью, состоявшемся в Нижнем Новгороде 5–6 октября 1917 г., приводились иные доводы. Сообщая о том, что в городе «ежедневно совершаются, начиная с поножовщины всякого рода преступления и при том в очень большом количестве; особенно... на Нижнем базаре в разных трактирах и других притонах», а «грабежи в ночное время и вооруженные грабежи – явление почти повседневное», начальник нижегородской милиции заявил, что бороться с этим злом чины милиции «почти бессильны» в связи с малочисленностью штата и некомпетентностью состава, категорически подчеркнул: «в числе действующих лиц в массе преступлений преобладает действительно военный элемент». Начальник милиции Городецкого района Балахнинского уезда в качестве одной из причин нарастающего хаоса отметил массовое вооружение населения. Начальник арзамасской милиции указал на отсутствие на местах твердой власти и безнаказанность в большинстве случаев преступников и дезертиров. Судебный следователь отметил такие причины, как проведенная Временным правительством амнистия уголовников по постановлению от 17 марта 1917 г., большевистские идеи, оправдывающие самосуды, нелегальное положение дезертиров, плохую укомплектованность и обеспечение милиции. Начальник Семеновской городской милиции отметил, что *прогрессированию дезертирства помогает потворство и укрывательство со стороны населения*. При подведении итогов, кроме ука-

занных, были отмечены и такие причины, как *несознательное отношение населения к свободе*, отсутствие инструкции для милиции, общий государственный развал, неподготовленность и неспособность продовольственных и земельных управ к выполнению поставленных задач, голод, оторванность милиции от общества¹⁹.

Еще одна причина разнуданности в восприятии свободы почти осознавалась современниками, была отмечена как социально-политическое явление, получившее у историков широкое освещение, – равнодушие части общества к происходящему. Данная ситуация была четко обозначена, в частности, на съезде уездных комиссаров и представителей уездных исполнительных комитетов Саратовской губернии, прошедшем 26–28 июля 1917 г., представителем от Царицынского уезда: «На выборах, прошедших вообще не нормально, замечался *сильный абсентизм выборщиков, – из 70 тысяч избирателей голосовало только 29 тысяч... Местная интеллигенция... участия в коллективной жизни не принимает*»²⁰. Итог данного подхода, как известно, имел последствия в деятельности будущей власти – становление государственности нового типа, в первой Конституции которого в статье 1 провозглашалось, что данное государство является государством пусть и преобладающей, но только части населения²¹.

В условиях революционного процесса утвердилась в обществе категория, разрабатывавшаяся в том числе российскими мыслителями XIX столетия, – «равенство». Временное правительство декларировало и реализовало его в социально-политическом контексте, обеспечив статус гражданина, равнозначность национальной, религиозной, половой принадлежности, избирательного права. Однако в обществе понимание равенства выстраивалось не только и подчас не столько в правовом русле, сколько в смешении понятий «равенство» и «справедливость», «равенство» и «распределение» и т.д.

Изменение статуса женщины, ставшей более самостоятельной, зарабатывавшей себе и семье на жизнь, ведущей хозяйство не в утилитарном, а в полном смысле, в условиях Первой мировой войны стало явлением повсеместным для европейских государств. Изменения коснулись и политической активности женщин. Они выражались не только в знаменитых «бабьих бунтах», но и в участии в политических мероприятиях – митингах и демонстрациях, деятельности женских объединений. Так, в апреле в астраханской газете сообщалось, что после длительного перерыва собирается Женский Клуб (последний раз до этого он функционировал в августе 1914 г.). В статье отмечалось, что если ранее на массовых мероприятиях с политическим контекстом представительность слушателей была «почти

сплошь» мужская, то теперь в Астрахани в думском зале и в саду «Аркадия» на митингах женщины составляли до 90%²².

Понимание равенства как уравнивания в имущественных основах проявилось в распределении ресурсов. Во многом этому способствовали экономические неурядицы военного времени. Типичным примером такого подхода стали следующие случаи. 28 августа Хвалынский уездный общественный комитет постановил «в виду отстрой нужды в топливе» распределить между волостями 1/30 леса, принадлежащего местной землевладелице В. Шихобаловой, «для отопления земских и общественных зданий, а так же на нужды населения». В Симбирской губернии в сентябре на фабрике Кузнецова крестьяне расхищали заготовленные для нее дрова²³.

Равенство в политических правах и социальном статусе, Приказ № 1 и «Декларация прав солдата» породили в обществе понимание, что в отношении некоторых профессиональных групп «выравнивание» осуществлено недостаточно. В одной из провинциальных газет по этому поводу сообщалось: «Женские наряды, галуны, звезды, медали и погоны военные имеют свое особенное значение. Из них офицерские погоны особенно выделяются своим назначением и прошлым... Погоны делили людей на определенные категории... Погоны по своему прошлому как остаток царизма и тяжкого деспотизма ненавистны солдату... *Погоны есть одна из преград между угнетателями и угнетенными, которая должна быть уничтожена*»²⁴.

Характерной чертой периода 1917 года являлись демонстрации. Их восприятие населением также составляет характеристику обывателя в условиях революционного процесса.

Одним из наиболее значимых поводов для торжества в год революции стал «Первомай», отмечавшийся как по Юлианскому календарю (он был официальным в России до 1 (14) февраля 1918 г.), так и по Григорианскому (в данном случае празднование приходилось на 18 апреля Юлианского календаря на 1917 г.).

Современники событий отметили воодушевление участников демонстраций по случаю самостоятельных (не входящих в график государственных) «революционных праздников». Их проведение в 1917 г. было типичным. «Маевки» проходили при широком участии населения (например, в маленькой Кинешме его собралось до 25–30 тыс.), среди которого отмечалось присутствие прежде всего рабочих, солдат, учащихся, при исполнении Марсельезы и других революционных песен, ношении революционных знамен и флагов (так, в Симбирске их было поднято до 300) с надписями «Землю и волю», «Победим или умрем», «В борьбе обретешь ты право свое», музыкальном сопровождении гар-

низонных оркестров, вечером прочтении в общественных залах тематических лекций (в частности, в Кинешме в театре Островского, в зале Большого Кинематографа и в чайной Трезвости при переполненных залах были прочитаны лекции об утопическом и научном социализме, о русской революции, об интернационале, о демократической республике и об Учредительном собрании), митингах²⁵. Пресса констатировала о «Первомае», что картина торжества «была весьма внушительная; замечательнее же всего был *невиданный до сих пор порядок, поддерживаемый самою массою народа*»²⁶, сочувствие общества всех слоев «создало живую, красочную картину»²⁷.

Однако не все очевидцы событий были настроены столь оптимистично к праздникам, ассоциировавшимся с революцией, и демонстрациям, ставшим постепенно чуть ли не заурядным явлением. Так, в июньском номере нижегородской газеты по поводу очередной политической демонстрации, посвященной текущей войне, прошедшей 18 июня, сообщалось: «Любопытствующая публика уже *присмотрелась к этим торжествам, а главное недоумевает: для чего это нужно и какую реальную пользу родине приносят подобные выступления...* Очевидцы рассказывают, что какие-то юнцы в одном месте провозглашали «войну до победы»; в другом месте солдат возгласил: «долгой войну». Те и другие ораторы были арестованы.

При обратном шествии одной из групп манифестантов, «товарищи», поравнявшись с кафедральным собором, где в это время шла всеобщая и находилась последнюю ночь Оранская икона Божией Матери, – спели Марсельезу.

В этот день с 1 часу дня трамвай прекратил движение и, кажется, это единственная «польза» от «торжества» для города и его пустотелой кассы»²⁸.

Еще более критичная оценка демонстраций и сопровождавших их митингов приводилась в той же нижегородской газете, в которой неделей ранее с восторгом писалось о «Первомае». В статье с говорящим названием автор отмечал: «Текущая пропаганда, – лекции, митинги, суть не что иное, как своего рода инспирация, вбивание в неразвитой ум мыслей чужих, выработанных не собственно головою. Это новое рабство, навязывание кабинетных теорий, чтобы крестьянство, поверив этому по своему простодушию, избрало бы не своих людей, а разного рода лекторов, ораторов, представителей партий. И наступит господство партий, а не народа, не крестьянства. Этим готовится новое самодержавие, не царя, а партий, не народа, а интеллигенции... Пора народу получить полную свободу, жить самостоятельно, без разного рода спектаклей»²⁹.

Массовость, проявившаяся в демонстрациях, митингах, «омассовлении» населения путем предоставления равноправия и свобод, получи-

ла в 1917 г. выражение и в групповых асоциальных действиях, демонстрирующих отсутствие у широких слоев населения понимание свободы и равенства в смысле либеральных ценностей. Примеры таких действий разнообразны и многочисленны.

Так, в Астрахани 8 марта в губернской тюрьме, не дожидаясь правового разрешения ситуации, взбунтовались арестанты, обезоружили тюремную стражу, раскрыли камеры, овладели цейхгаузом, переоделись в гражданскую одежду и разбрелись по городу³⁰.

18 мая у Астрахани в пригородном поселке Форпост *толпа учинила самосуд* над черкесом, торговцем зеленью, за то, что он оскорбил покупательницу и ранил кинжалом солдата, вступившего за нее³¹. О самосудах толпы как методе расправы над грабителями при ежедневно увеличивающихся грабежах и кражах телеграфировал в Петроград 20 мая самарский губернский комиссар К.Н. Иньков³².

18 июня около 2 тыс. «отпускных сорокалетних», которые находились в Астрахани, отказались явиться к воинскому начальнику, образовали свой комитет, заявили, что отпускные пойдут на службу только после окончания приема белобилетников и отправления на фронт всех работающих на оборону, требовали свержения Исполнительного Комитета и Совета³³.

В Сердобске 13 августа *при проведении выборов в органы городского самоуправления солдаты и горожане устроили беспорядки*, и выборы были сорваны, а в Петровске в ходе проведения выборов произошли эксцессы, в том числе избивание торговца, призывавшего голосовать за торговпромышленников³⁴.

В Юрьевце в период 11-15 мая состоялась серия массовых асоциальных действий. Они начались со слухов, порочащих выборных членов Революционного Комитета и Продовольственной Управы. 11 мая *толпа из окрестных граждан – крестьян и горожан заставила собрать* в Женской гимназии *митинг*, в ходе которого были выдвинуты обвинения против деятелей указанных структур. Затем начальника милиции принудили *арестовать обвиняемых, что и было осуществлено при участии толпы*. 12 и 13 мая в Юрьевце снова приходили толпы с требованиями *свободной хлебной торговли*, не реагировали на увещания членов Продовольственной Управы и Революционного Комитета. 15 мая «*очень большая толпа с подстрекателями*» явилась к Революционному Комитету, потребовала освобождения нескольких ранее арестованных участников беспорядков, что и было осуществлено *под ее давлением*. При этом один из освобожденных, указав на начальника милиции, призвал бить его, после чего «*толпа бросилась на него, раза три сбивала с ног*». Только отпор вооруженного

милиционера и прибытие команды солдат с огнестрельным оружием помешали самосуду³⁵.

Перечисленные происшествия были вызваны комплексом причин, среди которых следует указать и «близорукость» власти, неграмотные реформы по ее переформированию, осуществленные Временным правительством, излишнюю демократизацию, в ходе которой на свободе оказались экстремистские элементы, продовольственные неурядицы, ситуацию войны, личностный фактор. Однако в контексте данной статьи обратим внимание на иной аспект – наличие подобных событий как таковых, протекавших при довольно широком составе участников и отсутствии сопротивления со стороны других обывателей, не являвшихся представителями властных и правоохранительных структур. В.П. Булдаков отмечает, что в 1917 г. бунт словно бежал впереди революции, а сама революция, происходившая в России, представляла двуликим Янусом, сочетавшим продолжение демократических революций и черты пугачевщины. Справедливым нам кажется утверждение исследователя о том, что микронарративы 1917 г. стали частью системного кризиса империи, включавшего в себя различные компоненты³⁶.

В революционном процессе провинциальный обыватель оказался как активным, так и пассивным участником событий. При этом даже пассивная роль была значимой, обеспечивая простор для действия. Такие важные категории, как свобода и равенство, получившие новую трактовку в условиях революционного процесса, проявление отношения к происходящим событиям в той или иной форме (участника, наблюдателя, критика) определили спектр возможных последствий для развития общества и государственности, в зависимости от преобладания конкретной тенденции. Проблема возможного их осознания на уровне обывательского восприятия – интересная исследовательская задача. Не менее значимой задачей, полагаем, является использование данного опыта в прикладном политико-управленческом аспекте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Семенова Е.Ю. К оценке ситуации историографического дискурса о событиях 1917 г. в России последних десяти лет: «шаг вперед, два шага назад»? // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т.19. №3. С.160-166; Эпоха войн и революций: 1914-1922. Материалы международного colloquium / Отв. ред. Б.И. Колоницкий; Санкт-Петербургский институт истории РАН. СПб.: ООО «Нестор-История», 2017. 496 с.

² Поршнева О.С. Антропологический подход в изучении Февральской революции 1917 г.: достижения и перспективы // Февральская революция 1917 года в России: история и современность. URL: <http://textarchive.ru/c-1969284-pall.html> (дата обращения:

07.03.2017).

³ Сапон В.П. Нижегородская губерния в 1916-1917 гг.: от «феврализма» к большевизму: Монография. Нижний Новгород: [б.и.], 2017. 310 с.; Щелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году: монография. Самара: ПГСГА, 2014. 184 с.

⁴ См.: Бирюкович В.В. Заметки. Дневниковые записи 1917-1924 гг. / Сост., вступ. ст., биография, коммент., послесл. О.И. Зезеговой. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2015. 184 с.; Вебер М.И., Лебедево Е.Ю., Суржикова Н.В. «Проклятый Петроград», «полная анархия» и «гражданская темнота»: Россия 1917 года в частной переписке современников // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. №3 (34). С.75-89; Лебедево Е.Ю. «Что же это такое?.. Новая страница «русской истории»?..» – события февраля 1917 года в дневнике Р.М. Хин-Гольдовской // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы III Всероссийской научной конференции (8-9 декабря 2016 г., Самара, СамГТУ). Вып.3 / Под ред. Е.Ю. Семенович; ред. кол.: А.Б. Бирюкова, А.В. Богачев, С.Ю. Митрофанова. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2016. С.45-50; Мунжукова С.И. Отражение Февральской революции 1917 г. в мемуарах учительницы О.В. Синакевич // Экстремальное в повседневной жизни России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.: материалы междунар. науч. конф., 16-18 марта 1917 г. / Отв. ред. В.А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 97-102; Россия 1917 года в эго-документах: воспоминания / Авт.-сост. Н.В. Суржикова, М.И. Вебер и др.; науч. ред. Н.В. Суржикова; Институт истории и археологии УрО РАН. М., 2016. 510 с.

⁵ Аксенов В.Б. Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г. // Российская история. 2017. №2. С.17-32; Шакурова А.В. Период «Февраль – Октябрь 1917 г.» в Нижегородской губернии: настроения трудящихся масс // XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электрон. сб. Вып.5. С.222-229. Самара, 2017. URL: http://sbornik.libsmg.ru/content/files/catalog1/sb20rus_05.pdf (дата обращения: 10.10.2017).

⁶ Письмо Белоблоцкого Виктора Мясоедову Н.Н. от 25 марта 1917 г. // Областное государственное учреждение Государственный архив Саратовской области (далее – ОГУ ГАСО). Ф. 409. Оп. 1. Д. 202.

⁷ Астраханский вестник. 1917. 10 марта. С.1; 12 марта. С.3.

⁸ Васильев-Южин М.И. 1917 год в Саратове. Накануне Февральской революции // За власть Советов. Воспоминания участников революционных событий в Саратовской губернии. Саратов: Саратовское кн. изд-во, 1957. С.20-21.

⁹ Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 г. до 1918 г. Т. 1. М.-Л.: Гос. изд-во Истпарга, 1925. С.96.

¹⁰ Ежов А. В Саратове (1907-1917 гг.) // Коммунистический путь. (Саратов). 1923. №10 (35). С.189.

¹¹ «Секретные сотрудники саратовской охранки» // Саратовский вестник. 1917. 23 сентября. С.4.

¹² ОГУ ГАСО. Ф.1283. Оп.1. Д.6. Л.11.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф.1791. Оп.2. Д.232. Л.16-17.

¹⁴ ГА РФ. Ф.1791. Оп.2. Д.189. Л.71.

¹⁵ ГА РФ. Ф.1791. Оп.2. Д.232. Л.69.

- ¹⁶ Областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Костромской области» (далее – ОГКУ «ГАКО»). Ф.1288. Оп.1. Д.2. Л.88, 112; Д.175. Л.1.
- ¹⁷ «Социализация» // Голос нижегородца. 1917. 11 июня. С. 3.
- ¹⁸ «Обывательщина» // Известия (Саратов). 1917. 21 декабря. С.2.
- ¹⁹ ГА РФ. Ф.1791. Оп.2. Д.515. Л.2, 4-7, 10об.
- ²⁰ Саратовские ведомости. 1917. 6 августа. С.1-2.
- ²¹ «Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам» // Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принятая V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. Ст.1 [цит. по: Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / Сост. Ю.П. Титов, 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. С.289].
- ²² Астраханский вестник. 1917. 13 апреля. С.3.
- ²³ ГА РФ. Ф.1779. Оп.2. Д.432. Л.10.
- ²⁴ «Долой погоны» // Известия (Саратов). 1917. 5 декабря. С.4.
- ²⁵ Голос нижегородца. 1917. 23 апреля. С.3; Дундуков П. Сорок лет назад. Воспоминания участника первомайской демонстрации 1917 года // Коммунист. 1957. 1 мая. С.2; Известия Кинешемского Революционного комитета Общественной безопасности. 1917. 21 апреля. С.1; Симбирская народная газета. 1917. 23 апреля. С.3.
- ²⁶ Голос нижегородца. 1917. 23 апреля. С.3.
- ²⁷ Астраханский вестник. 1917. 20 апреля. С.3.
- ²⁸ «Опять демонстрация» // Голос нижегородца. 1917. 24 июня. С.3.
- ²⁹ «Новое рабство» // Голос нижегородца. 1917. 30 апреля. С.1.
- ³⁰ ГА РФ. Ф.1791. Оп.2. Д.169. Л.1.
- ³¹ ГА РФ. Ф.1791. Оп.2. Д.169. Л.18.
- ³² ГА РФ. Ф.1791. Оп.2. Д.226. Л.31, 117.
- ³³ ГА РФ. Ф.1791. Оп.2. Д.169. Л.47.
- ³⁴ ГА РФ. Ф.1791. Оп.2. Д.227. Л.137-139.
- ³⁵ Протокол дознания Революционного комитета Костромской губернии по делу о беспорядках в г. Юрьеvec Костромской губернии 15 мая 1917 г. // ОГКУ «ГАКО». Ф.1288. Оп.1. Д.12. Л.14-14 об.
- ³⁶ Булдаков В. Мировая война, европейская культура, русский бунт: к переосмыслению событий 1917 года // Российское историческое общество. Научные статьи. Официальный сайт. URL: <http://rushistory.org/stati/mirovaya-vojna-evropejskaya-kultura-russkij-bunt-k-pereosmysleniyu-sobytij-1917-goda.html> (дата обращения: 19.10.2017).

PROVINCIAL EVERYMAN IN THE REVOLUTIONARY PROCESS OF 1917

© 2017 E.Yu. Semenova

Volga Branch of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Samara
Samara State Technical University
Samara Law Institute of the Russian Federal Penitentiary Service

The author reveals the perception of the revolutionary events of 1917 by the inhabitants of the Volga region; she analyzes the attitude of the city everymen to the ongoing socio-political changes in the state. The field of the study is presented with their understanding of freedom and equality, as well as the forms of expression of their position.

Keywords: revolution of 1917, Russian province, public sentiments.